

УДК 82-1/-9

Е. Д. Трухан
Новокузнецк, Россия

СВОЕОБРАЗИЕ СТАТЬИ В. Ф. БУЛГАКОВА
«НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ КАРТИНЫ Г. ВУЧИЧЕВИЧА
“ДОМИК ДОСТОЕВСКОГО В КУЗНЕЦКЕ”» (1905)¹

SPECIFICITY OF V. F. BULGAKOV'S ARTICLE
“A FEW WORDS ABOUT THE PAINTING BY G. VUCHICHEVICH
“DOSTOEVSKY'S HOUSE IN KUZNETSK” (1905)

Аннотация. В работе впервые анализируется малоизвестная заметка В. Ф. Булгакова, посвященная живописному изображению художником В. Д. Вучичевичем-Сибирским памятного места в Кузнецке – домика Достоевского². Исследование нацелено на более точное определение публицистического жанра и выявление в авторском тексте различных уровней фельетонной поэтики.

Abstract. The article analyzes for the first time a little-known work by V. F. Bulgakov dedicated to V. D. Vuchichevich-Sibirsky's pictorial image of a memorable place in Kuznetsk, the house of Dostoevsky. The research is aimed at a more precise definition of the journalistic genre and identification of various levels of the feuilleton poetics in the author's text.

Ключевые слова: В. Ф. Булгаков, Ф. М. Достоевский, картина «Домик Достоевского в Кузнецке» В. Д. Вучичевича-Сибирского, фельетон, жанровые черты фельетона

Key words: V. F. Bulgakov, F. M. Dostoevsky, V. D. Vuchichevich-Sibirsky's painting “Dostoevsky's House in Kuznetsk”, feuilleton, genre features of feuilleton

В литературном наследии писателя-мемуариста, музейного работника, последнего секретаря Л. Н. Толстого, уроженца города Кузнецка Валентина Фёдоровича Булгакова (1886–1966) особое место занимают две публицистические статьи, посвященные пребыванию Ф. М. Достоевского в Кузнецке. Несмотря на то что создавались они в ранний гимназический период, автор всегда признавал их ценность. Об этом, например, писал в своей «Автобиографии» (1911):

«Скажу только, как о более путном, о статье «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», где впервые собраны мною все относящиеся сюда материалы, и о заметке, которая мне немножко и теперь нравится, — «Несколько слов по поводу картины Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке»» [1. с. 139–140].

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 20-412-420002.

² Статья сопровождается иллюстрациями, представленными в конце книги.

Одна из статей – «Ф. М. Достоевский в Кузнецке» [2] – считается первым исследованием по одноименной литературно-краеведческой теме. Точное указание автора на место её издания¹ и целенаправленная поисковая работа краеведов позволили выявить произведение среди сибирской периодики начала XX века и сделать достоянием обширной аудитории. Статья была переопубликована в книгах А. С. Шадринной [4, с. 165–169], М. М. Кушниковой и В. В. Тогулева [5, с. 394–396], а также в открытых интернет-ресурсах. С 1996 года копия этой статьи в качестве экспоната размещена в постоянной экспозиции «Кузнецкая путеводительница» Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, в зале «Венчание» (Новокузнецк, ул. Достоевского, 40), а с 2011 года в музейной коллекции хранится оригинал этой газетной реликвии².

«Ф. М. Достоевский в Кузнецке» имеет несомненную культурную ценность: в ней Булгаковым впервые были собраны воспоминания современников о венчании Достоевского в 1857 году, описано внешнее и внутреннее состояние дома писателя в начале XX века. Об аксиологической значимости работы говорит и тот факт, что Анна Григорьевна Достоевская, вторая жена писателя, попросила отправить ей в Петербург десять экземпляров иллюстрированного приложения с этой статьёй [7, с. 729].

В контексте данного научного исследования следует отметить, что статья «Ф. М. Достоевский в Кузнецке» была проиллюстрирована тремя изображениями: портрет писателя в военной форме располагался на первой газетной полосе, внутри булгаковского текста, а два других снимка – виды города Кузнецка («Старинная Одигитриевская церковь, в которой венчался Достоевский» и «Домик, где жил Достоевский...»), выполненные местным фотографом-любителем В. И. Михеевым, разместились на второй полосе иллюстрированного приложения, внутри других материалов.

Вторая журналистская работа юного В. Ф. Булгакова – «Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке»

¹ См., например, письмо В. Ф. Булгакова К. А. Воронину от 5 сентября 1960 года (Переписка братьев Булгаковых с Новокузнецким краеведческим музеем и его сотрудником К. А. Ворониным // Кузнецк в воспоминаниях братьев Булгаковых: сборник / сост., вст. сл. комментарии: П. П. Лизогуб. – Новокузнецк, 2018. – 641 с.): «*Кстати, не помню, сообщал ли я Вам точную дату о месте и времени опубликования моей статьи «Ф.М. Достоевский в Кузнецке», на всякий случай сообщаю: XXIII иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», Томск, № 221, 10 октября 1904 года (приложены 3 фотографии: портрет Ф. М. Достоевского в мундире прапорщика инженерных войск, Одигитриевская церковь и домик Достоевского в Кузнецке)*».

² О появлении этого экспоната в новокузнецком музее Ф. М. Достоевского см.: Е. Д. Трухан По следам одной газетной реликвии // Трухан Е.Д. Зёрна: публицистические и литературно-критические статьи. – Москва-Екатеринбург, 2018. – С. 22–36.

[8] – увидела свет 19 марта 1905 года в № 62 томского ежедневника «Сибирский Вестник политики, литературы и общественной жизни». В отличие от своей «предшественницы», она почти не известна широкому кругу читателей. Возможно, потому что до 2018 года¹ совсем не тиражировалась ни в каких других изданиях. Несмотря на то что ранее она упоминалась в работах М. М. Кушниковой [9, с. 88], [10, с. 64], [11, с. 150], рядовому читателю не так легко было её обнаружить: автор не указывала точные координаты расположения [9, с. 72], [10, с. 64, с. 107], [11, с. 150], ошибалась с годом публикации [9, с. 88], представляла название газеты в редуцированном виде («Сибирский вестник» вместо «Сибирский Вестник политики, литературы и общественной жизни») [10, с. 64], [11, с. 150], [5, с. 166].

Неаккуратная работа М. М. Кушниковой с документом той эпохи наводит на мысли о том, что она либо была поверхностно знакома с булгаковской статьёй «Несколько слов по поводу картины...», либо читала её не в первоисточнике, вне газетного контекста. Это подтверждает и произведенное ею определение жанра – «критический разбор» [9, с. 88], [10, с. 64], [11, с. 150], [5, с. 166], что совершенно не соответствует действительности.

В рамках настоящего исследования мы рассмотрим жанровое своеобразие указанной газетной публикации, то есть выявим её неповторимые свойства и черты, проявляющиеся как в контексте газетной полосы, так и в формально-содержательной структуре, поэтике, и постараемся определить, какую роль она играет и в развитии темы «Достоевский в Кузнецке», и в творческом наследии будущего личного секретаря Л. Н. Толстого.

Стоит сказать, что В. Ф. Булгаков называл своё творение «*заметкой*» [1, с. 139]. Согласно «Толковому словарю» Д. Н. Ушакова этот жанр подразумевает, прежде всего, малую форму и лаконичность, а не развёрнутость авторского суждения, а также притягательность для автора по какой-либо причине предмета изображения: «*краткое письменное сообщение о чем-нибудь изученном, замеченном*», «*краткую запись о чем-нибудь, краткое письменное замечание по поводу чего-нибудь*» [12]. Большой энциклопедический словарь обращает внимание на узкое содержательно-тематическое наполнение заметки и характеризует её как «*газетный жанр, краткое сообщение, в котором излагается какой-либо факт или ставится конкретный вопрос*» [13]. «Современный толковый словарь русского языка

¹ Спустя 113 лет статья В. Ф. Булгакова «Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке» перепубликована в издании Новокузнецкого краеведческого музея. См.: Кузнецк в воспоминаниях братьев Булгаковых: сборник / сост., вст. сл. комментарии: П. П. Лизогуб. – Новокузнецк. 2018. – С. 812–813.

Т. Ф. Ефремовой», самый полный по объему словника, указывает на исключительно печатно-полиграфическую среду бытования этого жанра: «*Небольшая статья, краткое сообщение в печати*» [14].

Таким образом, обозначив свою работу как заметку, Булгаков тем самым делает акценты на следующих её специфических жанровых чертах: минимальном объеме, жесткой принадлежности к носителю информации – газете, раскрытии только одной конкретной проблемы, наделённости предмета изображения каким-либо интересным для автора свойством, лаконичности высказывания, отразившемся, прежде всего, в названии – «Несколько слов...». Но на этом жанровые особенности булгаковской работы не исчерпываются.

Обратимся к структуре газетной полосы. Заметка В. Ф. Булгакова была опубликована на второй странице, в так называемом «подвале»¹, под одной чертой с материалом «Без таланта» журналиста, писателя, политического деятеля Германа Сандомирского (1882–1938), который шёл под рубрикой «Фельетон «Сибирского Вестника».

Последовательная вёрстка данных статей, их расположение в виде относительно законченного блока, внизу, под отделяющей материалы от предыдущих текстов общей «линейкой», позволяют предположить, что они не только относятся к одной рубрике, но и исполнены в одном жанре – фельетоне. Более того, объединены общими темами и мотивами.

Сандомирский буквально «громит» за «*бесцветность и дряблость мысли*» [16, с. 2] роман П. Д. Боборыкина «Изгой», вышедший в первой и второй книгах «Русской Мысли» за 1905 год. В фельетоне он упоминает произведение Джерома Клапка Джерома «Three Men on the Bummel» («Три человека на обломке»), где «*остроумный и практичный британец*» [16, с. 2] предлагает открыть «*пенсионные кассы для исписавшихся писателей*» [16, с. 2]. Булгаков, конечно, не требует столь кардинальных действий в отношении художников. Но, вслед за Сандомирским, утверждавшим, что такая вынужденная мера «*избавила бы родную литературу от всех этих ненужных, старческих пережитков прошлого, очистила бы атмосферу от нездоровых испарений разлагающихся писательских трупов*» [16, с. 2], тоже ратует за истинное искусство, освобождение творческого процесса от всего наносного и ненужного. Своей заметкой В. Ф. Булгаков предостерегает наивного посетителя выставки о недобросовестности знаменитого живописца, указывает на недопустимые для настоящего художника методы

¹ Николай Карпеченко дает следующее определение этому термину: «**Подвал**» — статья, размещенная в нескольких, а чаще всего *во всех колонках внизу полосы. Отделяют подвал от предыдущего текста линейкой*; заголовок подвала располагают чаще всего над первыми двумя-тремя колонками. *Высота подвала должна быть не больше ¼ и не меньше ½ высоты полосы* (курсив мой – Е. Т.).

работы, говорит об откровенном обмане публики. Мотивы очищения культурного пространства, выявления истинных ценностей среди подделок, рудиментов и неуместных фантазий объединяют эти два совершенно разных произведения.

Вместе с язвительными замечаниями автора «Без таланта», направленными на романиста Боборыкина, в контекст его размышлений попутно вводится имя Достоевского и его героев: *«Я понял только, что совершенно напрасно были потревожены г. Боборыкиным, изредка проявляющим склонность к неудачным экскурсиям в область психопатологии, мирно покоившиеся в гробах герои «Братьев Карамазовых» и проч. Неужели великая тень старика Достоевского не может служить достаточным укором... нашим кандидатам в Джеромовскую пенсионную кассу?»* [16, с. 2]. Для Сандомирского Достоевский является своеобразным эталоном, с которым должны сверяться писатели нового времени; отношение к нему и его героям почтительно. У Булгакова подобное уважительное отношение к Достоевскому и его памятному месту в Кузнецке выливается в самостоятельное художественно-публицистическое размышление о живописце, его приёмах и искусстве в целом. Дом Достоевского, изображенный на холсте Вучичевича, становится тем притягательным объектом, о котором невозможно не высказаться. Его художественное изображение требует незамедлительных заметок, пояснений и оценок со стороны искушенного зрителя и краеведа, к числу которых он себя относит.

Произведения Булгакова и Сандомирского родственны по стилю, желанию авторов *«формировать общественное мнение»* [17, с. 81] и описывать ситуации, требующие скорейшего социального порицания. В них отчетливо видны соприкосновения в мотивах, темах, упоминании имени Достоевского. Таким образом, контекст, в котором бытует статья В. Ф. Булгакова на газетной полосе, подтверждает и усиливает гипотезу о её фельетонной жанровой природе.

Рассмотрим более подробно «Несколько слов по поводу картины...» под углом зрения фельетонной поэтики.

Заметка Булгакова и по форме, и по содержанию вполне соответствует классическому определению понятия «фельетон», предложенному Литературной энциклопедией в 1939 году: *«малая художественно-публицистическая форма, характерная для периодической печати (газеты, журнала) и отличающаяся злободневностью тематики, сатирической заостренностью или юмором»* [18]. Как отмечают исследователи, характерной чертой этой малой формы является синтетичность: здесь органично переплетаются публицистическая, художественная и сатирическая составляющие [20].

Булгаков пишет адресный фельетон: острие своего пера он направляет на популярного в художественной среде в начале XX века художника

В. Д. Вучичевича-Сибирского, известного пейзажиста, графика, автора жанровых полотен, экспонента коллективных и персональных выставок, и на его творческий метод. По типу размышления заметка Булгакова стоит ближе к аналитическому, обобщающе-характеризующему виду фельетона, чем к беллетризованному.

В основе булгаковского текста – повседневный городской эпизод: посещение персональной выставки известного художника и знакомство с заинтересовавшим его произведением искусства. *«На днях я посетил выставку картин г. Вучичевича, где моё внимание привлекла, между прочим, картина «Домик Достоевского в Кузнецке»* [8, с. 2], – пишет он.

Но обычный жизненный случай получает не критическое, а фельетонное осмысление. Как и во многих фельетонах, сюжет у Булгакова начинается от конкретного факта к постановке злободневной проблемы, а затем – к последующему обобщению.

Посещение выставки как культурное событие, с одной стороны, скрывает интригу, что является распространенным в фельетонном жанре приёмом, а с другой – обнаруживает главное противоречие, на котором и строится весь фельетон: оказывается, знаменитый художник, представляющий свои полотна на суд зрителей, пишет не с натуры, а с фотографий! Такой подход, по мнению В. Ф. Булгакова, совершенно не согласуется с законами художественного творчества. Живописец подвергается безжалостному осмеянию, едким издёвкам, а его картина, созданная по фотографии, провозглашается *«курьёзом, какие редко встречаются»* [8, с. 2]. *«Для профессионального художника, «экспонента императорской Академии Художеств», как именует себя г. Вучичевич, непростительно выставлять картину, нарисованную именно не с натуры»* [8, с. 2], – заявляет журналист.

Чтобы сориентировать будущих посетителей выставки, помочь им отличить реальное от выдуманного, а также разоблачить недобросовестного художника, автор, бывший житель и знаток города Кузнецка, берёт на себя роль эксперта, краеведа, способного докопаться до истины. Он со знанием дела называет (и случает с полотном) все детали улицы Достоевского, где расположен хорошо известный ему старый деревянный дом, в котором в середине XIX века жил писатель. Таким образом, он завоевывает доверие читателя, ведь владение подлинной информацией является обязательным условием для создания фельетона. Булгаков тщательно выявляет «ляпы» в изображении местности, видов деревьев, архитектурных сооружений, цвете и физическом состоянии знакового объекта. Его «экскурсию» отличает конкретная предметность, музейная достоверность: *«Вместо узкой улицы представлена на картине огромная площадь, вернее – какой-то пустырь, за которым виднеются дома и неведомый лесок; перед домами изображена церковь, в действительности стоящая на горе, далеко за*

ними. Впереди, на левой стороне картины, находится и самый «домик», где жил Достоевский, только это дряхлое строение выглядит таким новым, крепким, даже окрашено в серо-зеленый цвет. В саду около домика нарисованы совершенно другие породы деревьев, чем те, которые находятся там на самом деле» [8, с. 2].

Детальное изучение картины приводит Валентина Булгакова к мысли о том, что художник действительно писал пейзаж не с натуры, а с фотографии. Причем она является частью его прошлогодней газетной публикации «Ф. М. Достоевский в Кузнецке»: «... оригиналом для картины служил единственный, довольно неудачный снимок с домика Достоевского, помещенный нынче осенью в “Иллюстрированном приложении” к “Сибирской Жизни”» (к № 221, 10 октября, 1904 года, стр. 2 – *Е. Т.*) [8, с. 2].

Таким образом, фотоизображение любителя В. И. Михеева организует связь не только с картиной Вучичевича, но и между двумя булгаковскими статьями о Достоевском: по сути одна из них является продолжением другой.

Выявление В. Ф. Булгаковым «фотооригинала» картины приводит к пониманию, почему всё-таки «г. Вучичевич середину улицы изобразил... заросшей травой, и около строений нарисовал светло-желтый, глинистый грунт» [8, с. 2]. «Дело в том, – пишет он, – что на фотографии грязная середина улицы, предназначенная для езды, вышла темнее мест, усыпанных галькой и представляющих тротуары для пешеходов» [8, с. 2]. А полное несовпадение натуры с изображенным пейзажем практически снимает вопрос о причинах неудачных поисков живописного полотна¹: даже если бы кто-то из коллекционеров, собирателей наследия художника и нашел картину, он попросту не смог идентифицировать её.

Изначальная позиция автора, не желающего последовательно развивать определённую тему, выстраивать выверенную систему доказательств, автора, прибегающего к ассоциациям и выявлению неожиданных и забавных особенностей изучаемого объекта, а не к монотонному перечислению его достоинств и недостатков, активно использующего языковые средства с ярко выраженной эмоциональной окраской (например, «я был поражен», «моё недоумение было велико» и др. [8, с. 2]), выявляет в заметке фельетониста, а не критика. Отсутствие сухой аналитической беспристрастности, строгих причинно-следственных связей, стремление, наметив злободневную тему общественной жизни, максимально усилить её звучание, обли-

¹ Одна из последних попыток была предпринята в 1994–1995 годах московским критиком, публицистом, искусствоведом Ф. А. Монаховым, организовавшим передвижную выставку В. Д. Вучичевича по сибирским городам, и его коллегами-единомышленниками.

чать, а не констатировать, недостатки, не дает возможности спутать произведение Булгакова с «критическим разбором», как его определяет М. М. Кушникова.

Примечательно, что с развитием сюжета эмоциональный накал текста усиливается; возмущение, негодование, саркастические усмешки буквально льются через край: «... он должен был знать, что ведь не в Калах же, в самом деле, он устраивает выставку, и что в Томске есть много любителей и ценителей живописи...», «... зачем вводит в обман публику, объявляя о "сибирских видах"», «пусть бы уж лучше он подписал "Вечер в Малороссии" или что-нибудь в этом роде...» [8, с. 2].

Накал эмоций не случаен. Он является своеобразным маркером одного из традиционных приёмов фельетонной поэтики – преувеличения, нагнетания ситуации, к которому прибегает Булгаков. Если художник писал «не с натуры», рассуждает он, – значит, перед нами «ученик или любитель», копиист, ремесленник, который опрометчивым поступком «набросит тень на свою репутацию» [8, с. 2]. Если копиист, – значит его творение априори лишено оригинальности. Такие размышления доводят ситуацию до абсурда: «... Как было не понять, что он <... > заставит подозревать, что и другие сюжеты для своих картин он брал из каких-нибудь иллюстрированных журналов для домашнего чтения» [8, с. 2]. Абсурдность обстоятельств позволяет Булгакову приблизить читателя к мысли о том, что Вучичевич-Сибирский «слишком смело и по-детски наивно» [8, с. 2] обманывает публику! Преувеличение разрастается почти до размеров гротеска, откровенного осмеяния важной персоны, известной в Сибири и за её пределами: «Если, таким образом, встать на точку зрения г. Вучичевича, то выставки можно устраивать, пожалуй, и очень легко: стоит перерисовать как можно больше картинок из журналов, и – готово...» [8, с. 2]. Подобные вернисажи – мыльный пузырь, бессмыслица, – подводит итог Булгаков: «... только тогда уже не надо принимать в расчёт, что такая выставка теряет всякое значение» [8, с. 2].

Со свойственными гимназическому периоду творчества решительностью и максимализмом молодой автор «Сибирского Вестника...» смело «поддевает» и еще одного уважаемого представителя художественной сибирской среды – Лидию Павловну Базанову, выпускницу Московского училища живописи, ваяния и зодчества, живописца, скульптора, педагога, теоретика и практика живописи, а также постоянного обозревателя выставок, в том числе и В. Д. Вучичевича-Сибирского, на страницах периодической печати [23, с. 3], [24, с. 2], [25, с. 4]. Булгаков отмечает, что эксперт приняла недостоверно написанную картину «Домик Достоевского...» за «интересный исторический сюжет» [8, с. 2], а это уже грозит настоящим сканда-

лом! Сообщая об этом, В. Ф. Булгаков словно хвастается своей осведомлённостью в краеведческой кузнецкой теме, словно утверждает, что его, в отличие от Базановой, не сможет провести никакой хитрый Вучичевич.

Несмотря на то что заметка Булгакова поставила под угрозу репутацию Л. П. Базановой как эксперта-искусствоведа, именно её критический обзор, опубликованный в «Сибирской жизни» 9 марта 1905 года [23, с. 3], видимо, натолкнул юного журналиста на некоторые важные мысли и идеи:

- нужно отправиться на выставку для встречи с картиной, где изображен хорошо известный ему домик Достоевского и родные кузнецкие места;

- чтобы понять, почему на картине Вучичевича столько несоответствий, следует прислушаться к мнению Л. П. Базановой, которая прямо указывает на злоупотребление художником фотографией в качестве основы для картин¹;

- впечатления от картины и критический обзор Базановой позволили Булгакову проявить свой талант фельетониста.

Приведенные выше аргументы явственно подтверждают, что мы имеем дело не просто с заметкой, а с фельетоном, и фельетонная поэтика актуализируется в тексте на разных уровнях.

В заключение хочется сказать, что статья «Несколько слов о картине...» гимназиста Валентина Булгакова, созданная в «несерьёзном» фельетонном жанре, как ни странно, даёт очень серьёзный материал о его работах, посвященных Достоевскому, и о полотне В. Д. Вучичевича, поиски которого продолжаются. Это видится в следующем.

Во-первых, через фотографию В. И. Михеева, ставшую иллюстративной частью газетной публикации 1904 года, картина Вучичевича-Сибирского связывает воедино две булгаковские разножанровые статьи, посвященные пребыванию Ф. М. Достоевского в Кузнецке. То есть фельетон «Несколько слов...», как ни парадоксально, продолжает литературно-краеведческое исследование «Ф. М. Достоевский в Кузнецке».

¹ Л. П. Базанова в статье «Выставка картин художника Вучичевича» (Сибирская жизнь. – 1905. – № 53. – 9 марта. – С. 3) замечает: «... Но в поисках за колоритом художник становится на опасный путь, рискуя впасть в искусственную красочность, в ущерб жизненной правде. Чтобы не впасть в ту или иную крайность, художник должен держаться строго природы и в ней искать корректива для своих технических приемов. К сожалению, господин Вучичевич часто избегает природы, доверяется лишь преходящему впечатлению или пользуется услугами фотографии. В результате и получается иногда указанная выше красочность в его картинах. Но пользование фотографией приводит и к другим еще неблагоприятным последствиям, помимо чисто технических. Фотография не дает художнику правдиво изобразить ту природу, с которой он хочет знакомить и в которую тщетно хочет перенести воображение зрителя. Вот почему, смотря на картины художника Вучичевича, написанные на сибирские темы, зритель не чувствует сибирской природы – той величественной, девственной, подчас угрюмой природы, о которой нам много сказали своими произведениями художники Гуркин, Гриценко, Педашенко» (курсив мой – Е. Т.).

Во-вторых, чтобы найти, и главное, опознать картину Вучичевича, нужно полностью «стереть» из памяти реальный вид домика Достоевского. При этом, в поисках стоит руководствоваться фотографией дома из иллюстрированного XXIII приложения к «Сибирской жизни» (№ 221, 10 октября 1904 года) и описанием ландшафтных, архитектурных и цветовых несоответствий, перечисленных В. Ф. Булгаковым в фельетоне.

В-третьих, разыскивая картину В. Д. Вучичевича, следует обращать внимание на изображение зари, на вечерний пейзаж, несколько напоминающий малороссийский.

В-четвёртых, фельетон Булгакова позволяет утверждать, что Вучичевич, создавая своё живописное полотно, не работал в Кузнецке на природе и в городе по этому случаю не был. С этой точки зрения, М. М. Кушникова и В. В. Тогулев, упрямо утверждающие обратное¹, не правы, их домыслы беспочвенны. Если бы Вучичевич писал домик Достоевского с природы, ему удалось бы счастливо избежать всех несуразностей.

В-пятых, фельетон Валентина Булгакова помогает точно, вплоть до месяцев, определить время создания Вучичевичем картины «Домик Достоевского в Кузнецке». Это октябрь, 1904 (выход в свет иллюстрированного приложения «Сибирской жизни» с фотографией Михеева, вдохновившей художника) – февраль, 1905 (в начале марта на выставке её уже увидела Л. П. Базанова). Таким образом, живописец мог работать над полотном не более пяти месяцев.

И, наконец, создание заметки «Несколько слов по поводу картины...» позволило В. Ф. Булгакову попробовать свои творческие силы в жанре фельетона – «гибридном жанре публицистического дискурса» [27]. В этом смысле было бы продуктивно проследить развитие авторского фельетонного мышления не только на уровне слова, но и в создании шаржей – графических воплощений фельетонного осмысления действительности.

¹ Кушникова М. М., Тогулев В. В. в книге «Кузнецкий венец» Фёдора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века» (Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005.– Книга 1. – Стр. 6) сообщают: «Знаменитый в конце 19 – начале 20 вв. русский художник В. Д. Вучичевич-Сибирский, блистательный петербургский щеголь, любимец дам, небезызвестный при Дворе, по совокупности причин, одна из коих – «умыкновение» возлюбленной брата, тоже художника, Евгения Вучичевича, «самосослался» в Томск, где и осел, устраивая выставку за выставкой и пользуясь неизменным успехом. Вскоре он создал картину «Дом Достоевского в Кузнецке». *Что заставило его отправиться в невзрачный уездный город и написать дом, в котором сам Достоевский никогда не жил, а жила Мария Дмитриевна Исаева, по тем временам еще воспринимаемая лишь как досадный эпизод в биографии писателя?»* (курсив мой – Е. Т.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков В. Ф. Автобиография // Ариаварта. – Москва, 1999. – № 3. – С. 137–148.
2. Булгаков В. Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке // XXIII Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». – Томск, 1904. – № 221. – 10 октября. – С. 1. Фото: с. 1–2.
3. Кузнецк в воспоминаниях братьев Булгаковых: сборник / сост., вст. сл. комментарии: П. П. Лизогуб. – Новокузнецк, 2018. – 816 с.
4. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857). – Новокузнецк, 2016. – 232 с.
5. Кушникова М. М., Тогулев В. В. Загадки провинции: «кузнецкая орбита» Фёдора Достоевского в документах сибирских архивов. – Новокузнецк, 1996. – 472 с.
6. Трухан Е. Д. Зёрна: публицистические и литературно-критические статьи. – Москва – Екатеринбург, 2018. – 276 с.
7. Основные даты жизни и творчества В. Ф. Булгакова (1886–1966) / сост. Л. В. Гладкова, Дж. А. Вудсворт, А. А. Ключанский // Булгаков В. Ф. Как прожита жизнь: воспоминания последнего секретаря Л. Н. Толстого / под ред. А. А. Донскова. – Москва, 2012. – С. 728–783.
8. Булгаков В. Ф. Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича «Домик Достоевского в Кузнецке» // «Сибирский Вестник политики, литературы и общественной жизни». – Томск, 1905. – № 62. – 19 марта. – С. 2.
9. Кушникова М. М. Искры живой памяти: очерки. – Кемерово, 1987. – 208с.
10. Кушникова М. М. Место в памяти. – Новокузнецк, 1993. – 248 с.
11. Кушникова М. М. Остались в памяти края: страницы литературно-краеведческого поиска. – Кемерово, 1984. – 192 с.
12. Заметка: словарная статья // Толковый словарь Д. Н. Ушакова онлайн. 2008–2017. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=17217> (дата обращения: 27.08.2019).
13. Заметка: словарная статья // Большой энциклопедический словарь. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/130906> (дата обращения: 27.08.2019).
14. Заметка: словарная статья // «Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой». 2000. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/165324> (дата обращения: 27.08.2019).
15. Карпеченко Н. Особенности оформления и верстки газет. 2001. – URL: <https://textarchive.ru/c-2584459.html> (дата обращения: 25.08.2019).
16. Сандомирский Герман. Без таланта // «Сибирский Вестник политики, литературы и общественной жизни». – Томск, 1905. – № 62. – 19 марта. – С. 2.
17. Северина Е. А. Фельетон как средство воздействия на общественное мнение // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Массовая коммуникация. Журналистика. Средства массовой информации (СМИ). – 2016. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/felieton-kak-sredstvo-vozdeystviya-na-obshchestvennoe-mnenie> (дата обращения: 28.09.2019).
18. Фельетон: словарная статья // Литературная энциклопедия (1929–1939). – Том 1. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/literary-encyclopedia/articles/373/felieton.htm> (дата обращения: 28.09.2019).

19. Фельетон: словарная статья // Словарь русского языка в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/21/ma455723.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 28.09.2019).

20. Северина Е. А. Жанровые особенности фельетона в современной немецкоязычной публицистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Литературоведение. – 2017. – Выпуск 1 (768). – С. 72–80.

21. Монахов Ф. А. Сибирский сказ // Монахов Ф. А. Счастье на крылах. – Новокузнецк, 1994. – С. 171–194.

22. Казачков А. Б. Базанова // Энциклопедия Томской области. – Томск, 2008. – Т. 1. – С. 46–47.

23. Базанова Л. П. Выставка картин художника Вучичевича // Сибирская жизнь. – Томск, 1905. – № 53. – 9 марта. – С. 3.

24. Базанова Л. П. Выставка картин художника Вучичевича // Время. – Томск, 1906. – № 41. – 23 февраля. – С. 2.

25. Базанова Л. П. Выставка картин художника Вучичевича // Сибирская жизнь. – Томск, 1908. – № 37. – 26 февраля. – С. 4.

26. Кушникова М. М., Тогулев В. В. «Кузнецкий венец» Фёдора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. – Кемерово, 2005. – Кн. 1. – 608 с.

27. Северина Е. А. Фельетон как гибридный жанр публицистического дискурса (на материале немецкоязычной прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. – Ч. I. Семиотическая гетерогенность межкультурной коммуникации. – 2014. — Выпуск 19 (705). – С. 122–134.

К статье Е. Д. Трухан
«Своеобразие статьи В. Ф. Булгакова «Несколько слов по поводу картины
г. Вучичевича “Домик Достоевского в Кузнецке”» (1905)» (с. 50–61)

Валентин Федорович Булгаков (1886–1966),
автор заметки «Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича
“Домик Достоевского в Кузнецке”» (1905).
Фото начала XX века

Г. Кузнецкъ. Домикъ, гдѣ жилъ Достоевскій, и улица, назван-
ная въ память писателя его именемъ. (Фот. В. И. Михѣва).

Снимок фотографа-любителя В. И. Михеева.

вдохновивший В. Д. Вучичевича на создание картины «Домик Достоевского в Кузнецке»
и размещенный 10 октября 1904 года в XXIII Иллюстрированном приложении к № 221
томской газеты «Сибирская жизнь»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Новокузнецкий институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Выпуск XII

Новокузнецк – Красноярск

2020